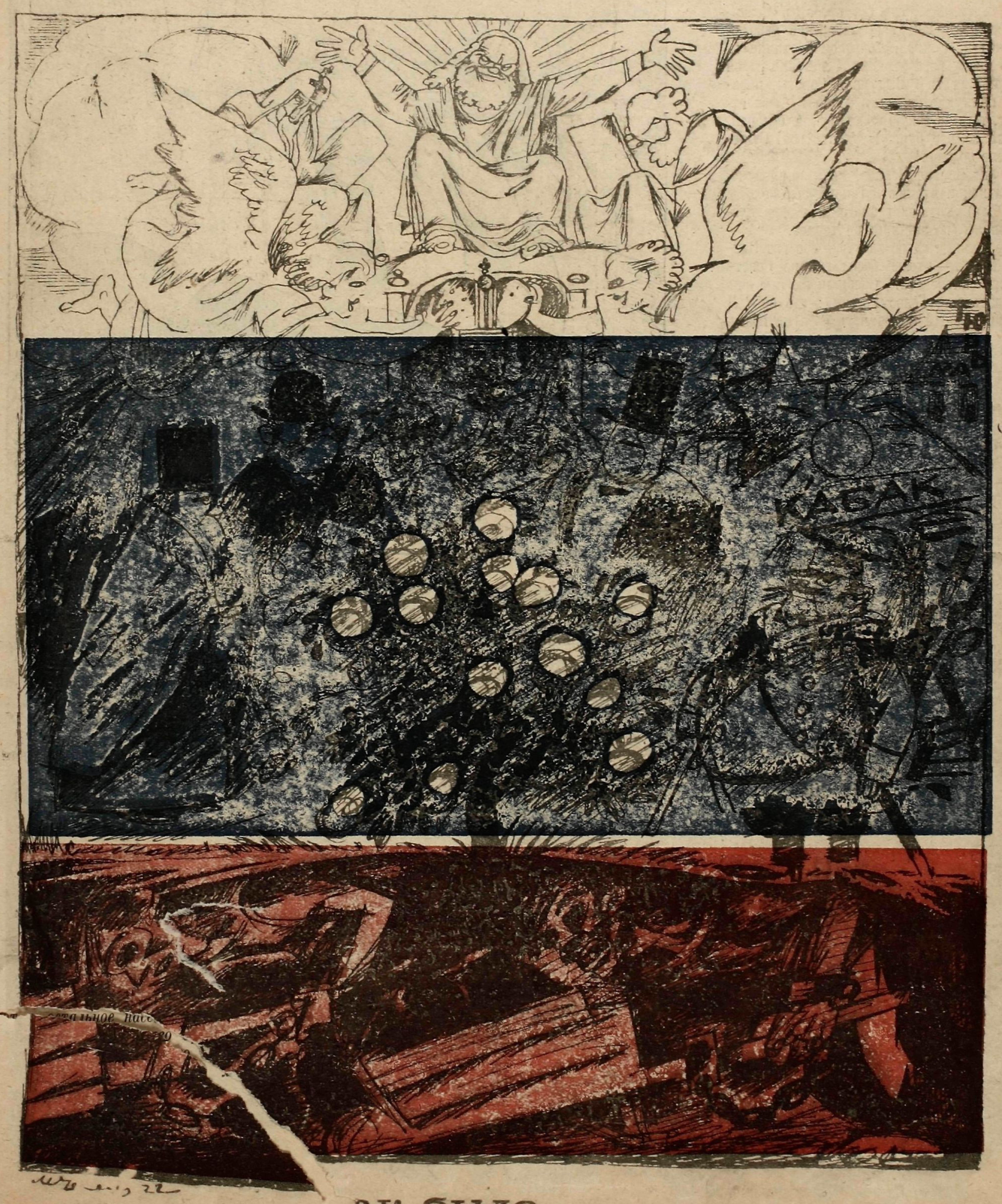
ЮБИЛЕЙНЫЙ. № 11 (23) ОКТЯБРЬСКИЙ.

КРОКОДИЛ

Москва, Вторник, 7 ноября 1922 г.

Рис. М. Черемных.

ПРАВОСЛАВИЕ, САМОДЕРЖАВИЕ, НАРОДНОСТЬ.

Т… …ак было

Жили-были.

Прошло пять лет. Взрослые успели состариться, молодые—возмужать, малолетние — вырасти. Но для людей, доживающих свое прошлое заграницей, ничто за это время не изменилось: жили они все так же и все тем же, как и чем жили раньше, пять лет назад... И хотя заглавие взято здесь из Леонида Андреева, но жили они по Чехову.

Живут и до сих пор... Живуч человек!

Екатерина Дмитриевна Кускова (Вера Иосифовна из чеховского «Ионыча») читает иногда длинные доклады с интеллигентскими рассуждениями. Говорится в докладах о том, чего никогда не будет, но все-таки их, от нечего делать, слушают. Слушает и Павел Николаевич Милюков и, выслушав, снисходительно произносит:

— Недурственно!..

Старый мещанин Мартов (Жигалов из «Свадьбы») упорно не признает пролетарской революции и ворчит в «Социалистическом Вестнике»:

— А по моему рассуждению, Советский строй —одно жульничество! Выдумали Советы, насадили туда коммунистов, да и думают глаза отвести! Нет, ты мне такую конституцию подавай, чтобы было за что буржую ухватиться! Существенное мне подавай!

Виктор Михайлович Чернов, молодящийся человек приятной наружности (оценщик Апломбов из «Свадьбы»), хоть и танцует под французскую шарманку, но амбиции не теряет.

— Я не Спиноза какой-нибудь,—говорит Виктор Михайлович,—чтобы бесплатно на Советскую Власть клеветать! Обещали вы мне еще субсидию дать на «Голос России»: где она? Я человек благородный и надувать себя не позволю!

Генерал Деникин (Егор из рассказа «На святках») пишет свои мемуары. В мемуарах читаем:

«В настоящее время, как судьба наша определила через себе на Военное Подпрыще, и поэтому мы можем судить, который враг есть унутренний. Перьвейсчий наш Унутренний враг есть: Большевик»...

Симон Васильевич Петлюра (конторщик Епиходов из «Вишневого Сада») жалуется на двадцать два несчастья:

— Каждый раз со мной что-нибудь случается. Просыпаюсь в позапрошлом году, смотрю, а на Украине—огромаднейший Совнарком! Вообще, не могу одобрить тамошнего климата: тамошний климат не способствует в самый раз.

А Керенский, Александр Федорович (мальчик Пава из «Ионыча»)?.. Собственно говоря, он уже не мальчик. Но так как «маленькая собачка—до старости щенок», то ему до сих пор еще время от времени приказывают:

— А ну-ка, Саша, изобрази!

Саша Керенский становится в позу, поднимает вверх указательный палец и произносит трагическим голосом:

— О, сердце, превратись в камень!.. Железом и кровью!.. Умри, вер-р-роломная!..

— Занятно,—говорит, проходя мимо, какой-нибудь Пуанкаре.

И дает Саше несколько медных монет.

Ник. Иванов.

Наступление Керенского.

Рис. Б. Ефимова.

...на рабочих.

Вр. Прав. Земля помещикам!

„Вместо".

Обыватель, вечный матерый обыватель ехидно кривил рот:

— «Бегают, спешат, суетятся, кричат — Пятая годовщина, Пятая годовщина! Цацкаются с ней с Пятой годовщиной, праздник тоже нашли! А какой в ней толк, в Пятой годовщине?

— Все по-старому: театры, рестораны, даже трамваи, даже дворники!

Вместо городового—милиционер, вместо министров—наркомы, вместо городской думы—совет, в школах вместо «Боже, царя храни»— «Интернационал» учат, вместо господина—говорят товарищ... Только и всего...»

И никак не могли втолковать обывателю, что в этой маленькой частице «вместо» и есть вся революция. И никак не хотел обыватель принять еще одно «вместо»:

— Вместо обывателя стать сознательным гражданином.

Векум.

Женский батальон.

— За душку—Керенского, престол, отечество! Ура!.

Иван Пузыкин.

(Хроника).

1916 г. (АПРЕЛЬ).

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Сим удостоверяется, что Пузыкин, Иван Евстигнеев, крест. Малопуповской вол., дер. Козьи Броды действительно является незаменимым в смысле обороны и призыву не подлежит. Сверх сего обременен непосильными болезнями вплоть до полнейшей чахотки и призыву не подлежит, что казенной печатью и подписом сим удостоверяется.

Волостной старшина (подпись).
Писарь (подпись).

1916 г. (МАЙ).

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Дано сие от врачебно-контрольной комиссии села Великие Пупы, крестьянину Малопуповской вол., дер. Козьи Броды Пузыкину Ив. Евстигнееву в том, что он к строевой службе не способен по 37 ст.

Делопроизводитель:
Резолюция:
В деньщики.
Подпись (неразборчива).

1917 г.

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Дан сей тов. Ивану Пузыкину от комитета 3 роты 135-го стрелкового полка в том, что он командируется в г. Петроград и остальные города России для разрешения вопроса об окончании империалистской бойни, что подписом и казеной печатью удостоверяется.

Член Комитета
Ротный писарь (подпись).

1918 г. (ОТРЫВОК ИЗ ПИСЬМА).

...И поэтому решил я вписаться в каммунисты. Жить очень трудна торговому челавеку. Федар Пропкин мне все обещщал устроить с рикоминдацыей, поставил ему 2 бут. самогону. Конешно, на наш церьковный брак, дорогая Маша —ета останется по прежнему. Я православный...

1918 г. (СЕНТЯБРЬ).

МАНДАТ.

Товарыщ Пузыкин диствительно дилигат Совета Народных Комисаров деревни Козьи Броды Малопуповской волости и есчо пользуица правом конфискации ариста и контрибуци особливо у попов кулаков, учительши и протчих контрареволюцинеров что волостной печатью скрепляю.

За Козьебродский Совет
Народных Комисаров (крест).
За неграмотново по ево личной просби
Сидарчук.

1919 (НОЯБРЬ).

МАНДАТ.

Чебетаевская уездная чрезвычайная комиссия командирует тов. Пузыкина в Калмыцкую, Киргизскую, Туркменскую, Башкирскую и прочие степи для борьбы с контр-революцией и спекуляцией и организации Комбедов.

Тов. Пузыкину надлежит взять на учет весь рогатый, нерогатый, мелкий, крупный и прочий скот и остальное население.

Тов. Пузыкин имеет право арестов, конфискаций, реквизиций, проезда во всех поездах, воинских и товарных, равно на лошадях и прочее вплоть до расстрела.

Зам. Ч. Ч. К. (подпись).

1919 г.

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Тов. Пузыкин является Политкомом сапожной мастерской Отдела Снабжения N бригады, а потому может носить и хранить при себе огнестрельное и холодное оружие в любом количестве.

Тов. Пузыкин пользуется правом бесплатной подачи военных телеграмм и разговора по прямому проводу во всякое время дня и ночи.

Ввиду огромной важности возложенных на него заданий, побриг N просит все военные и гражданские власти оказывать тов. всемерное содействие.

И. О. Пом. Начпобрига (подпись).

1920 г.

В О. Р. Т. Ч. К.

Штаб N дивизии настоящим удостоверяет, что находящиеся у тов. Пузыкина муки ржаной—20 ф., отрубей—5 ф., масла подсол.—1 ф., папирос—20 шт. действительно предназначены для передовых частей дивизии и перевозятся в порядке срочных оперативных заданий.

Штаб дивизии убедительно просит агентов Ортечека и Наркомпрода не чинит препятствий в провозе указанного выше продовольствия, что подписом и печатью.

Врид. мл. Помнаштаба (подпись)
За делопроизводителя (подпись)

1921

СПРАВКА.

... По постановлению контрольной комиссии тов. Пузыкин за самоснабжение, оторванность от масс и буржуазные замашки исключается из рядов РКП (б-в).

Член К.К. (подпись)

1922 г.

В М. К. Х.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу сдать в аренду угольную лавку, что сдаеца в Лобазном пер. д. 7 3.

И еще за аренду можно вперед за 3 месяца.

К сему Товарищ Иван Пузыкин.

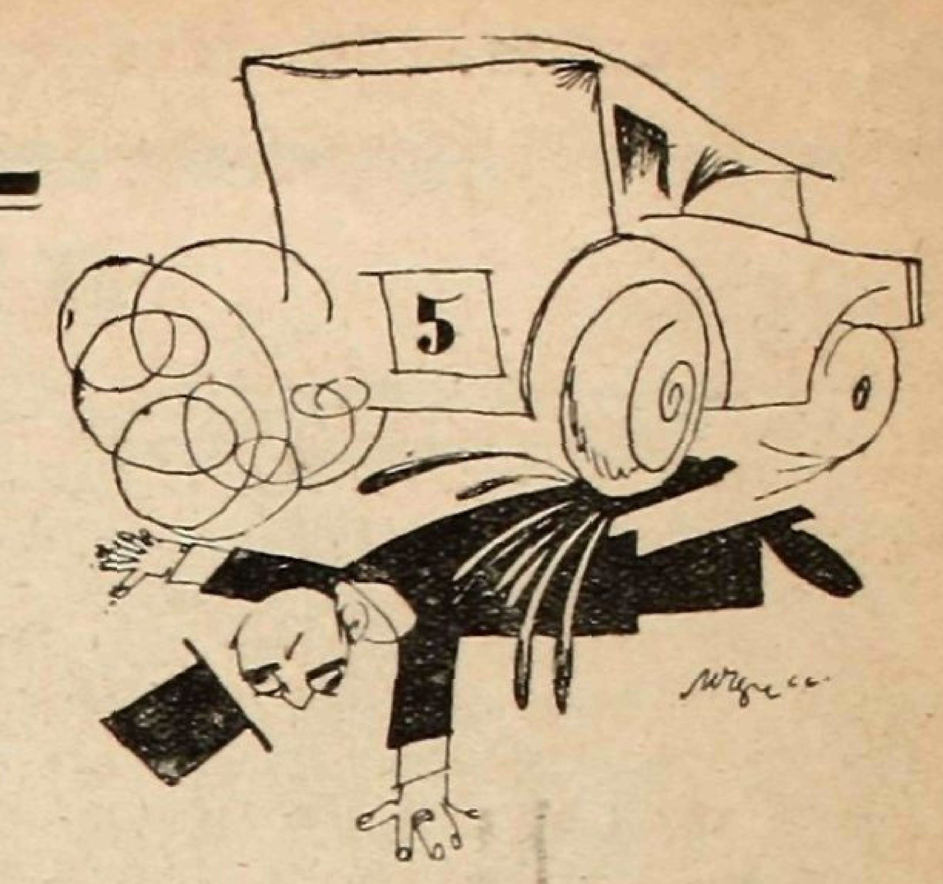
Раскопали в архиве: СВЭН И КУМАЧ.

Брестский мир.

Рис. Б. Ефимова.

Сначала было тяжко...
Но силой красных рук
Мы Брестскую бумажку
Свернули под махру.

Жертва списка № 5.

Маша — да не наша.

Рис. М. Черемных.

ПЕРЕД ОКТЯБРЕМ.

Рабочий молот работает. „Наверху“ стало тесно!..

Октябрь.

Рис Д. Мельникова.

Железный великан капитала свергнут напором рабочих масс.

(Из октябрьских речей)

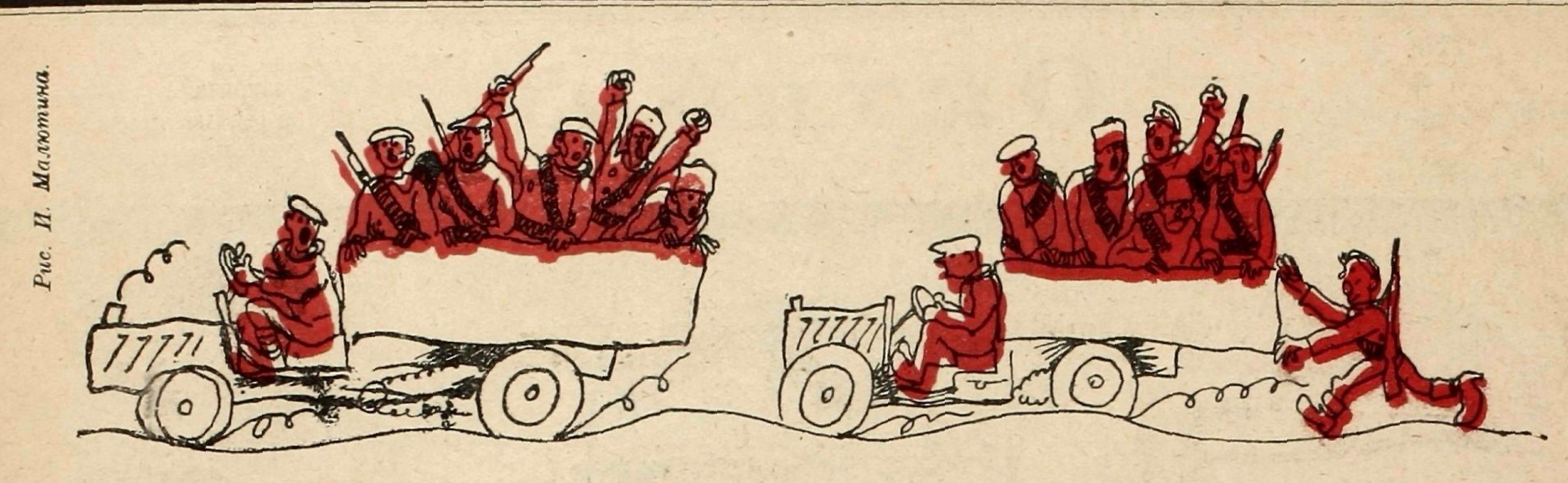

Рис. И. Малютина.

Красные грузовики.

Этапы.

(Красная Гвардия — Красная Армия).

1918 год.

— Стой, душа с тебя вон!

— Виноват, господа... Позвольте!..

— Стой, тебе говорят!!

— Товарищи, отпустите: мать у меня заболела, товарищи...

— Никаких чтоб матерей!!!

— Товарищи...

— Теперь товарищи, а раньше не товарищи?! Фатит, довольно,—попили ужо... Сымай, Митька, ленту пулеметную, глуши буржуя бомбой.

— Арестовывай его со всех концов!..

— Кар-р-р-раул!..

— Чего орешь? Старого прижиму захотел? Чего ты караул кричишь?! Нет у нас никакого караулу. Понял? Партизанцы мы и никаких гвоздей...

— Правильно!..

— Долой чтобы и никаких!..

— Да здравствует, долой!..

1919 год.

— Товарищи, красные бойцы, призываю вас к порядку! Откажемся, товарищи, наконец, от партизанщины, разлагающей наши товарищеские ряды и пусть...

— Пра-а-а-вильно!..

— Товарищи! Нам необходимо еще больше сплотиться в регулярную армию, которая одна только, товарищи, сумеет разорвать стальное кольцо окружения...

— Долой!..

— Кто сказал: долой?

— Я!

— Почему вы, товарищ, сказали долой?

— Потому теперь — свобода, которая завоеванная!..

— Правильно!..

— Которые нашу трудящую кровь пили...

— Правильно!..

— И которые пролетарьяту дыхать не давали... Мы все понимаем: которое, кому и чего!..

— Вот это да... Это по нашему!..

— Правильно... Бра-а... Как есть, правильно!

1920 год.

— Товарищи, перво-наперво темноту нашу долой! Красноармейцу б з сознательности никак невозможно. Откуда же сознание. От грамоты. Вот это ты и сообрази!

— Мы, товарищ политрук, очень превосходно все это понимаем. Из боев гляди не вылазим, а без дела разве сидим? Мостов сколь напочиняли, и вообще стараемся, насчет подмоги братьям кресьянам.

— Само собой: кто мы есть такие, рабоче-крестьянская красная армия — трудящаяся защитница.

— Сами ж мы рабочие и кресьяни.

— И никаких!..

1921 год.

— Ну, товарищи, адью с демобилизацией!..

— Счастливо...

— Смотри, не зевай. Крепче винтовку в руках держи. Винтовка — боевая подружка наша. Помни!

— Будьте благонадежны. Не подкачаем. Поглядывайте и вы братцы, чтобы на местах порядок был, чтоб никаких тебе недовольствиев на власть... Подтяните там кого следует!

— На том стоим! Самовольство или несознательности ни-ни. Искоренять! Не то — письмо военкому, да в конверт...

— А уж он кого надо — за конверт, да в ящик!..

— Ну и сами растолкуйте, что и как! Будьте благонадежны, не темные мы ,до всего дойдем, все до точки раз'ясним!

1922 год.

— Вы чего, товарищ, изучаете?

— Азбуку!

— Как то-есть азбуку?

— Да ведь не простую — коммуническую! скую!

— То-то. А мы тоже ужо за Энгельса взялись!

— А у нас политэкономии во сколько откатали...

... Одна братцы беда — учиться самая охота, а врем ни никак не хватает!

— Разве вот к военкому сходить — может схлопочет, чтобы сутки для нас часов на двенадцать увеличили?

— Отчег. же. сходи... Военком — он все может!..

— Ан не все. Сутки во всем мире на одну колодку сделаны.

— Ай врешь... Откуда знаешь?

— А из космографии!..

— А вон у Рубакина...

... Учеба...

Л. Митницкий.

Рис. Д. Моора.

Смольная „институтка“, образца октября 17 года.

Рис. М. Черемных.

ЛЕНИН вышел из подполья

Дайте ножик, дайте вилку—
Плачут, воют господа:
— Нашу милку—Учредилку
Отзакрыли навсегда!

Рис. Д. Мельникова.

ПЕРЕД ПРАЗДНИКОМ.

Меньшевику нездоровилось. Чай он пил безо всякого удовольствия, а после чаю пожаловался жене:

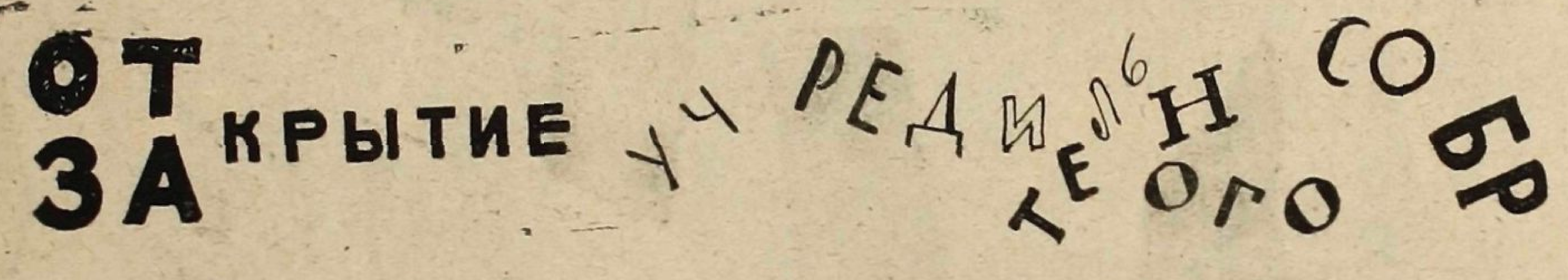
— Чтой-то не по себе нынче мне. Под ложечкой сосет,—и не поймешь, чего хочется: то ли молочка тепленького, то ли учредительненького собраньица.

— То-то ты и желтый такой с утра,—сказала жена.

Меньшевик скривился, спрятал голову за самовар и проворчал:

— Уж сейчас и политические намеки... Чтой-то такой, ей-богу: слова сказать нельзя! Может, ничего я не желтый, а от самовара так отсвечивает. Медный он,—ну, и отсвечивает!

— Видали дураков-то?—спросила жена.—Сквозь никелировку медь ему отсветила! Уж молчал бы лучше!..

— А ты не намекай!—рассердился меньшевик.

— Я и не намекаю. А только, конечно, у людей праздник завтра: седьмое ноября,—а у нас что? Не от самоваров, а от красных флагов на людей-то будет отсвечивать. Эх, ты!..

Меньшевик помолчал. Затем пожал плечами, кисло усмехнулся и пробормотал:

— Ну, уж праздничек тоже... «Пять лет, пять лет»!.. А что толку, если, может, через три недели....

—... Большевикам конец?—засмеялась жена.—Не надоело тебе пять лет это повторять?

Меньшевик стукнул кулачком по столу:

— И десять лет буду повторять! Я своих убеждений не меняю!

Жена сказала:

— Вот что: уйди-ка ты с глаз моих! Иди, пока молоко от тебя не прокисло. Ну!..

**
*

Меньшевик зашел к детям. Дети играли в краски:

— Тук-тук!.. Кто пришел? Меньшевик! Зачем? За краской! За какой? За желтой!

— Не надо, детки, в глупые игры играть,—ласково сказал меньшевик.—Вы знаете, какой завтра день? Седьмое ноября: пятилетие советского строя. Вот я и хочу вам рассказать...

Дочка меньшевика высунула язык. А сынок спросил:

— А тебе какое дело до завтлашнего? Лазве ты его стлоил, советский слой?

— Ну, ну,—ласково улыбнулся меньшевик:—уж сейчас и намеки! Я, детки, тоже политический деятель...

И предложил:

— Хотите, я расскажу вам свои революционные воспоминания? Вот, помню, когда я служил у Колчака...

Но дети закричали:

— Это не революционные, а контр-революционные воспоминания! Знаем, нас не обманешь!.. Только играть мешает!

Меньшевик вздохнул, вобрал голову в плечи и пошел...

Вслед ему донеслось:

— Согласатель несцастный!..

**
*

Дворник прилаживал к воротам красный флаг. Меньшевик вышел на двор, потоптался у ворот и спросил:

— К праздничку готовитесь, Иванушко?

— Не касаемое это вас,—хмуро сказал дворник,—проходили бы, гражданин!..

— И вы не можете без намеков!.. — ук[illegible]тельно вздохнул меньшевик.—А за что? Б[illegible] я, Иванушко, революцию делал! Карл Маркс он, ведь, и мой учитель, Иванушко!..

Дворник закрепил флаг, крякнул и сказал:

— А вот, барин, давно узспросить я хотел у вас:.. Июда Искариотская,—она как: из тогдашних эсеров или тоже из меньшевиков считалась?

Грамен.

СМЕНА ВЕХ.

(Списано с подлинника).

Москва, 18 год.

Жить невозможно. На комбинации с маркой заработал всего 70 тысяч. Жиров и сахару не достать и днем с огнем. Жена купила ½ пуда масла и 5 пуда сахару. У Мюра, вместо дюжины, отпустили пару чулок.

Куда бежать? Еду к немцам, в Берлин!

Берлин, 22 год.

Зашел к здешнему Мюру—Вартгейму купить белья, отпустили две чайных салфетки. Жена с трудом достала три фунта маргарина, кофе пьем в приглядку. На долларах заработал всего полмиллиона марок. Ой, близки большевики!

Куда бежать?.. Домой, в Москву!

Москва, наши дни.

Продал Слепотресту приводные ремни Глухотреста. Умилительная случайность—управляющий Слепотреста оказался родным братцем управляющего Глухотреста. Заработал на комиссии сущий пустяк—миллиард. Какая наглость—в мою квартиру вселили по ордеру рабочего!

Куда бы забежать? — Извозчик, в «Эрмитаж»!

М. Степной.

Рис. Бор. Ефимова.

Июль 17 г. Разоружение рабочих.

Царь на колесах.

Рис. Н. Малютина

Наследство царя и

Нищая, оборванная, голодная, холодная досталась Россия в руки рабочих и крестьян.

Царь и баре, помещики, заводчики, фабриканты и чиновники тяжелый подарок оставили Советам старуху-Разруху.

Не дымили трубы заводов, молчали их гудки.
Еле-еле ползли поезда по железным дорогам.
Города — без хлеба, деревня — без товаров.
Всюду развал, нищета, запустение...

А вокруг крепким, железным кольцом стали враги — зубы точат, воронье кличут, собираются делить мертвое тело Р. С. Ф. С. Р.

буржуазии. 1922

1919 год.

Универмаг на Трубе.

Два года.

1917 г.

В огненных вихрях крепли души,
Бурей борьбы задыхалась грудь.
И знали все мы:—Нет не задушит
Костров революции жизни муть.

В Смольном, в Кремле, во всех советах,
Огненным словом, взмахом пера,
Крепкой, железной броней декретов
Крепили добытое мастера.

Каждый рабочий был героем,
Женщин не было—были борцы.
И знали все мы—Солнце строим,
Какого не знали наши отцы.

В каждой тесной, темной каморке
Хмурый, голодный, полубольной,
Жалких пайков жуя четверки,
Жил и бился с жизнью герой.

И даже дети, хрупкая поросль,
Каждый мальчишка-баловник
В красный костер тащили хворост,
Чтоб догорали в нем головни.

1922 г.

Время слило в алом океане
Волны несчастий, реки побед,
Битвы и зарево где-то в тумане,
Словно столетья стоит Совет.
Жизнь яснеет. Случайный выстрел
Не разобьет. как прежде, стекло.
В комнате стынет чай душистый
Можно читать, тепло, светло...
Но пусть запомнят те, чья усталость
Манит и тянет их в прежнюю муть,—
После бури слякоть осталась,
Стыдно героям в грязи тонуть.
Тем, кому смерти холодные губы
В красных боях пришлось целовать—
Стыдно сидеть у женниных юбок
Вместо того, чтобы жизнь ковать.
Тем кто миру общую карту
Мечтал изготовить: Интернационал,
Стыдно уйти в игральные карты,
Дело забывши за рюмкой вина.
Девушке той, что прежде ходила
Одна против целой белой орды,
Стыдно нюхать ладан кадила,
Духом уйти в самоварный дым.
У нас впереди так много дела,
Трудных, серых будничных битв—
Тот, кто страну Советов делал
Не может слякотью быть убит.

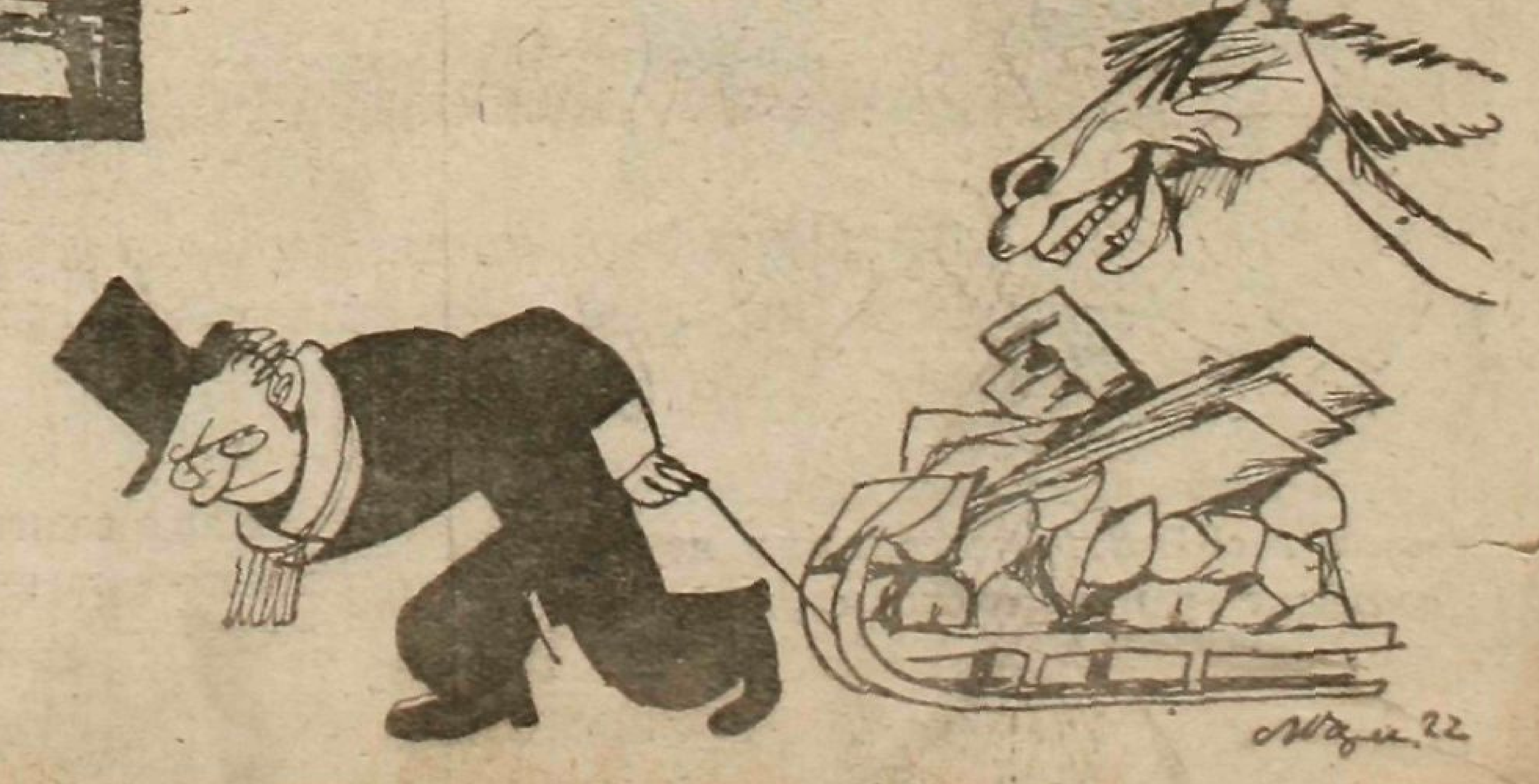
В. Кумач

И вот прошло пять лет. Красным вихрем развеяно кольцо врагов. Сморщилась, с'ежилась старуха-Разруха, чует смерть свою.

Дымятся заводские трубы. Заспешили, задыхаясь, поезда с товарами для деревни.

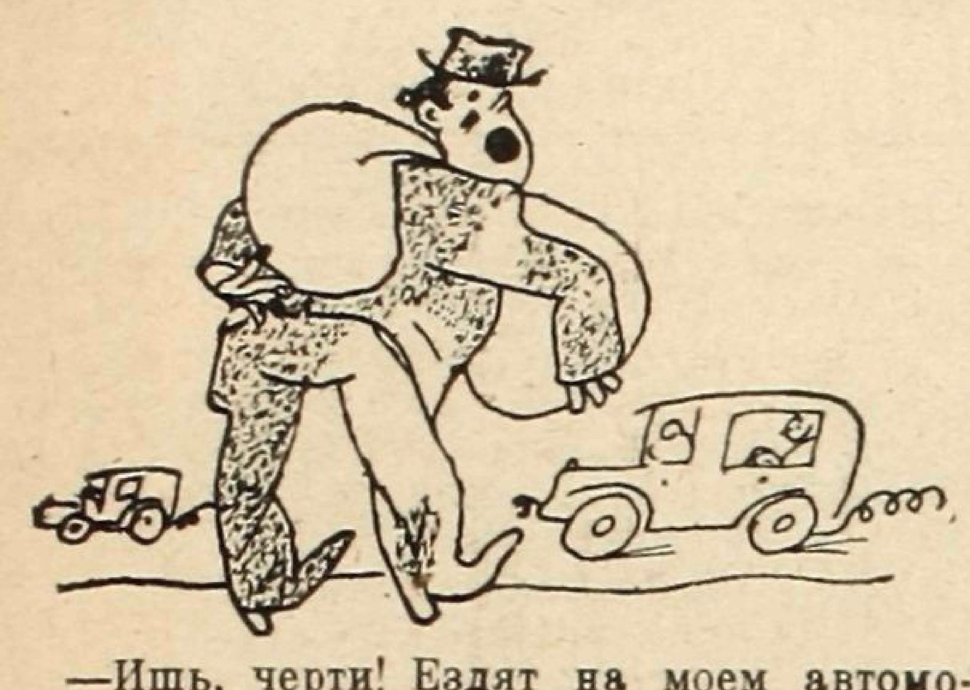
А там, в деревне, тоже новое: уходит с полей старое голодное трехполье, землю по-новому обряжают.

И гулко гудят гудки поездов: Вперед! К труду! К победе!

Лошадь. Нетрудящийся не ест.

С пайком.

—Ишь, черти! Ездят на моем автомобиле. А я свой собственный паек должен пешком нести.

Каждый рисунок разгляди и
разжуй его—
Это картинки жития буржуева.
Картинки эти до сих пор по ночам
Снятся непманам и непачам.

Ручной труд.

Рис. Ив. Малютина.

— Доктор давно прописал мне моцион, еще когда я был директором департамента, Но теперь я вижу, что это хуже касторки...

Поэма о Жане и Ване.

(1905 по 1922).

Присяжный поверенный
Наружностью истого янки,
Кадет и весьма умеренный
При том юрисконсульт в банке.
Мамаша—достойная дама
И член философского клуба
По поводу «горнего храма».
Она волновалась сугубо....
В двенадцать квартир и с лифтом,
Там имя хозяина кстати
Сияло готическим шрифтом.
Когда на двуспальной кровати
Рожала Жана мамаша,
На кухню к кухарке Кате
Пришла повитуха Маша...
Профессор с утра на Арбате...
Рожает.... Конец страданий,
А к ночи, глядишь и у Кати
Мальченка родился Ваня...
Сыночек... Кому ни приятно,
Мамаша цветет, как невеста,
А Катю, весьма понятно,
Прогнали в шею с места....
И как не прогнать... Без обряда
Любить и рожать невозможно.
Менять прислугу тревожно,
Однако же выгнать надо...
Отец у Вани рабочий,
Служил на заводе Динамо.
Мамашу отравили в Сочи,
А Катю в Ваганьково прямо...
И вот года побежали:
Забегал в гимназию Жан;
Акцент у него едва-ли
Не лучше чем у парижан...
И Ваня выжил, однако,
Прошел воспитательный дом,
Побои, голод и драки
И в школу пробился лбом...
По вывескам и по афишкам
Учился Ваня читать.
Пришлось заводским мальчишкам
Науку красть как тать...
Когда же Жан экзамены
Уже на доцента сдавал,
В мешок прохладный и каменный
Доставил Ваню «провал».
С войною Ивану—горе,
Окопы сущий бедлам;
А Жан ходит с портфелем,
Упол по банным делам...
Февраль.... Как охваченный хмелем
Иван подымает солдат,
А Жан ходит с портфелем,
Глядишь и Жан депутат...
Что чорту?... Немного серы,
Глядишь чудеса и туман;
И Жан попал в эсеры,
И стал эсером Жан...
Октябрь и в красном тумане;
Пошел как на праздник Иван.
А Жан за битками в сметане
Сначала полез в ресторан,
И вот с черноглазой плутовкой
Сидит в подвале, как крот.
А Ваня залег с винтовкой
У самых Никитских ворот...
Ивана брали за жабры
Деникин, Колчак и барон.
Любой и видный, и храбрый,
Любой кандидат на трон...
Года полетели, как птицы.
Иван одолел, наконец—
Жан пишет из-за границы,
Что ныне он верный спец,
Что он почти согласен,
Что он готов признать,
Что труд баронов напрасен,
Что родина все-таки мать...
Иван глядит и не гонит,
Характер такой уж дан,
И едет в спальном вагоне
Опять в Россию Жан.
Иван как в мае погода,
Пока не грянул гром.
Таков он с пятого года
Таков и в двадцать втором...
И вот в ученом доме
Акафисты Жан поет,
Иван сидит в райкоме
Читает и смачно плюет...

Л. НИКУЛИН.

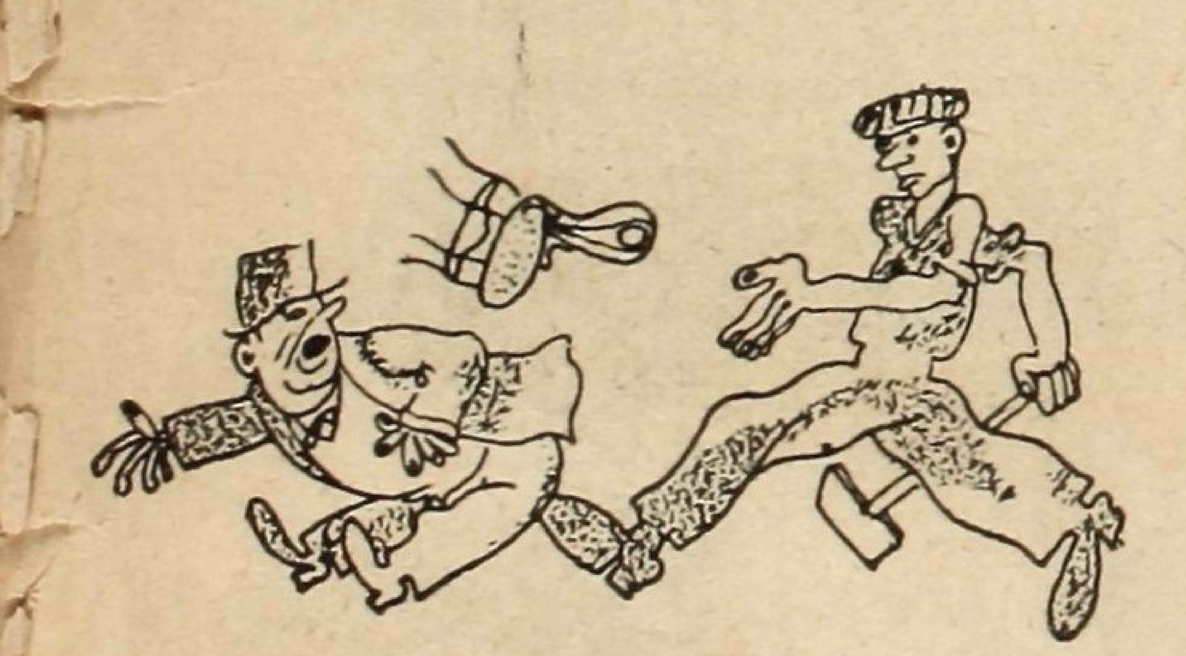
Нашествие четыренадесяти языков.

Рис. Б. Ефимова.

Борзые, которых рука капитала на нас без конца выпускала.

Выселение.

— Я никогда не был летчиком, уверяю вас! Эта профессия мне не подходит—у меня плохое сердце!.

Молитва.

— Ваше величество! У вас отняли царство земное— и нас, ваших верноподданных... я надеюсь соединиться с вами в царствии небесном.

Конец банкира.

— В смерти моей прошу винить Октябрьскую революцию.

Рис. Д. Мельникова.

1918 г. „Земельный банк“.

СОРОК СОРОКОВ...

Рис. Д. Мельникова.

...ГЛАВКОВ.

1919 г. Ловля обеда.

„Контакт“.

Басня 1918 года.

25 мая состоялась лекция члена В.Ц.И.К. Суханова—„Капитуляция Ленина“. Из газет *1918 г.*

Гордеич с лекции вернулся.
Купчиха подала на стол того-сего.
Но опечаленный купец ни до чего
Рукой не прикоснулся.
— „Ну что-же ты не ешь?“
— „Отстань. Не до еды“.
— „На лекции-то был?“
— „Был. Утешенья мало.
Хоша-б какой-нибудь был выход из беды.
Хоша-б какой-нибудь. Все, вижу я, пропало.
Весь свет сошел с ума.
Суди сама.
Вхожу я, значит, в помещенье.
— М—мое почтенье! —
Обшарил глазом все концы:
Все свой народ, тузы, купцы!
Гляжу на каждого. По роже по угрюмой
Видать: пришел как я, с одной и той-же думой:
„Ка-пи-ту-ля-ци-я!“ Как это понимать?
Надеяться-ль на что? Аль никакой надеи?
Вернут хоть что-нибудь нам эти все злодеи,
Аль с нас последние портки начнут снимать?
Сижу. В ушах звенит. В глазах рябит от света.
Вздыхаю:—„Господи, чем я твой гнев навлек?“
Вот вышел этакий перед нами фитилек.
А вот, поди ж ты, член Центрального Совета.
Мужчина в возрасте, хоть с виду неказист:
Безусый вроде гимназист,—
В хороший магазин не взял-бы и в мальченки:
Годится, скажем так, для мелочной лавчонки.
Не то, чтоб парень из заик:
Язык как следует, подвешен.
—„Я“,—лепортует!—„меньшевик!“
Обрадовал. Признаться,—грешен!—
Большевика-б хотел послушать я хоть раз.
Товар мне нужен без подделок.
А этот, видно и на глаз:
Не большевик, породой мелок!
Весь ходит ходуном. Бьет кулаками в грудь.
Не разговор,—какой-то танец.
Ты что-же думаешь? Я понял что-нибудь?
Я, мать моя, не иностранец,
Ты речь со мной веди по-русски. Вынь,—положь.
А я уж разберусь, какая в чем подкладка.
С „капитуляции“ одной кидает в дрожь,
А тут, что ни словцо, то новая загадка!
„Дипломатический... оркестр“,
„Коммунистический... секвестр“,
Да „девальвация“,
Да „реставрация“,
Да... дьявол сам не разберет.
Что, собственно, к чему и кто кого дерет.
„Капитуляция“—позиций, значит, сдача.
Выходит: Ленина постигла неудача.
Что сила богачей есть—„абсолютный факт“,
И Ленин с нами де готов вступить в „контакт“!
Скажи пожалуйста! Мы значит входим в силу.
Спасибо за „контакт“. Учены на былом.
И без „контакта“ нас вогнали уж в могилу,
Ну, а с „контактом“ что-ж? Проткнут еще колом!
Нет, брат, втирай очки какой-нибудь там дуре.
Зря перед нами стал себя ты утруждать.
Мы на своей узнали шкуре,
Чего от Ленина нам ждать.
Послушал лекцию. Спасибо.
Зря только ввел себя в расход.
Я думал, дельное расскажут мне что-либо,
А он... меньшевики, никчемный вправь, народ —
Нет ни силенок в них, ни смысла.
Да ты почто так, мать, раскисла?
— „Ну что-же ты не ешь“?
— „Ты со своей едой!
Поели... Будет с нас... Я ль не был мастер кушать?!.
„Контакт“, хе-хе, огня с водой!...
А как-бы все-таки мне Ленина послушать“?!

Нет главного.

Басня 1922 года.

События неслись во весь опор,
И в баснях надолго расстался я с купчиной.
Гордеич... Лекция... „Контакт“... Прошло с тех пор
Четыре года с половиной.
И вот Гордеича теперь мы застаем
В трактире с музыкой, вином и пьяным шумом
Сидящего за столиком вдвоем
С Пров Кузьмичем, своим приятелем и кумом.
Кум, деревенский туз,—он тоже нам знаком:
О ком—о ком,
А уж о нем пришлось писать мне сколько басен!
Да что нам говорить о давней старине,
О том, как был кулак тогда для нас опасен?
Он нынче стал для нас опаснее вдвойне:
Кулак был под конем, и вновь он на коне.
И мне о нем писать еще придется много.
Сейчас в трактире за столом
Кузьмич купца, ведя с ним речи о былом,
О настоящем тож выпытывает строго.
Гордеич охает: „ох-ох ох-хо, Кузьмич!
Хлебнули горя... Настрадались...
Я так считаю: божий бич.
Но сжалился господь: все-ж лучших дней дождались.
Что было? Вспомнить жуть берет.
Боялся, веришь-ли, загадывать вперед.
Прикинешь так, ан выйдет хуже.
Прожить-бы как, не то, что думать про доход.
На шее петля, что ни год,
То все затягивалась туже.
За спекуляцию пришлось сидеть раз пять.
Вот уж надеешься: с тюрьмой совсем расстался.
Но не успел чихнуть, как загребли опять.
Не знаю, как и жив остался,
Как не оглох и не ослеп.
Отчаялся во всем... Не жизнь была—мученье!
И вдруг, негаданно-нежданно, облегченье:
Явился этот самый нэп.
Сначала думалось:—„взамен оглобли—дышло“,
Ан вышло...“
—„Эвона что вышло“!
Осклабился подвыпивший кулак:
„Вон на себя Москва какой наводит лак!
Опять-же у тебя... опять забил подвалы...
Вновь, слышно, входишь в капиталы.
Какого-ж те рожна? Теперя знай одно:
На лад былой—гони монету“!
— „На лад былой, ох-хо!.. Вот то-то и оно,
Что счастье наше не полно:
Нет главного: былой уверенности нету“!

Демьян Бедный.

1922 г. Наша взяла.

Сон буржуя в 1918 г.

Николай с того света

Прочел без удовольствия.

У окна сатиры Роста..

Рождество Красной Армии.

Рис. Д. Мельникова.

КАРТИНКИ 17 ГОДА.

„Как в 17 году влипли буржуи в беду"!

И-эх! Крути, Гаврила!..
Поехал в ставку царь.
В окопах вьюга выла.
Спал мертвым сном январь

На фронте продавали.
В тылу царила плеть.
Но в феврале сказали:
Довольно нам терпеть!

Царь, помазанник бога,
Пошел ко всем чертям.
Свободная дорога
Теперь открылась нам

Пошли везде об'ятья.
Бомонд, и тот в азарт.
— Солдаты—наши братья..
Идиллией был март.

Министром „иностранных"
Был Павел Милюков,
Кадет и автор пары
Профессорских трудов

В апреле очень смело
Он в нотах пел своих:
Нужны нам Дарданеллы!
И больше никаких.

Он мчался к ним ретиво,
Казалось, близко цель.
Но быстрые проливы
Тут унесли портфель.

А в мае все запели
Романс из новых слов:
— „Мы триста лет терпели",
И „бейте буржуёв".

В июне стал к солдатам
Керенский приставать:
— Послушайте, ребята,
Давайте наступать.

— Ура ему кричали
Качали даже там.
— „А наступать, сказали",
Вали, попробуй сам.

Тогда гвоздем сезона
Спекли победный блин,
И „бабьим батальоном"
Шли занимать Берлин.

Министры все сменялись,
Ряд социал-заик.
Как псы весной линяли
Эсер и меньшевик...

Шли б до сих пор беседы.
Волынка, визги баб,
И войны „до победы,"
Но хлопнул их Октябрь.

Сергей Карташев

ФЛАГ.

Рис. Ив. Малютина

„Лучинушка".

У ворот завода висел красный флаг. Долго его не снимали. От дождей и солнца флаг выгорел и стал совсем белым.

Прошел непман, поглядел своим заплывшим глазком и захихикал:

— Наш флаг-то! Хе-хе. Вешали красный — а стал белый.

Прошел буржуазный поэт и остановился:

— Ведь это целая поэма! Природа кричит этим флагом, природа не хочет больше крови. она выпила кровь своим солнцем, она смыла ее слезами своих дождей. Этот флаг — символ мира и покоя. Вместо алой розы войны — белая лилия мира.

И долго еще думал поэт, вынув свою записную книжку...

Прошел мимо завода рабочий, поглядел на флаг

— Ишь, черт, вылинял как... Сменить придется.

И повесил новый флаг красный-прекрасный.

Тут и сказочке конец.

Вас. Лебедев.

У „буржуйки".

Окраска земного шара в 1922 году.

Рис Д. Моора

Буржуй ждал серенький октябрик,
И стал беспомощен и мал,
Когда с заводов, сел и фабрик
Пришел ОКТЯБРЬ велик и ал.

Рис. Д. Мельникова.

Октябрьский ураган.

Весь шар земной в чаду угара
И краской траурной покрыт...
Шестая часть земного шара
Улыбкой красною горит.

Там пятый год Советы правят,
Там власть рабочего труда
И мир в мучительной оправе
Глядит с надеждою туда.

Растает гнет холодной ночи
Сорвет его рабочий штык.
И красным смехом захохочут
Все остальные пять шестых.

ОТСТУПЛЕНИЕ ДО УРОЖАЯ.

Рис. Д. Моора.

ЛЕНИН: — Довольно отступать!

Рис. Б. Ефимова.

ПРОЛЕТАРСКОЕ ОКО.

(Из будущей летописи).

... В темном подполье копошилась нечисть, стараясь подкупом, обманом и убийствами свалить трудовую республику. Но яркий фонарь в рабочих руках осветил эту нечисть, сжег ее своим пламенем. И обратилась нечисть в пыль, проклиная три буквы, начертанные на фонаре.

 Цена 100 рублей.

КРОКОДИЛ

Так будет!

Главлит. 2249. 1-я типография «Мосполиграф» (бывш. Мамонтова).